

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА А.А. БЛОКА К Д.С. МЕРЕЖКОВСКОМУ И З.Н. ГИППИУС В АМЕРИКАНСКОМ АРХИВЕ

Н.В. Королева

Рукописи русских писателей, хранящиеся в архивах университетов, колледжей, библиотек и монастырей США, а также в собраниях частных лиц, мало известны в России, за исключением той малой их доли, которая была опубликована Джоном Мальмстадом, Антонией Глассе, Эдуардом Касинец Темирой Пахмус, Ниной Берберовой и некоторыми другими американскими учеными, писателями, специалистами по русским архивам¹. Хранящиеся в США рукописи были использованы американскими текстологами при подготовке изданий В.Ф. Ходасевича, В.Д. Набокова, Д.С. Мережковского; дневники, воспоминания и письма русских писателей, актеров, художников, политических деятелей неоднократно публиковались на страницах "Нового журнала".

Но многие интереснейшие страницы истории русской культуры еще ждут внимания к себе, заботливо сохраняемые, но часто даже еще не описанные и не включенные в архивные картотеки нашими американскими коллегами. Среди них – автографы А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, декабристов и деятелей белого движения, многочисленные материалы истории русского "серебряного века", относящиеся как к первым десятилетиям XX в., так и к последующим десятилетиям, когда творчество ряда крупнейших представителей русской культуры протекало в эмиграции. Эти материалы пока не известны российскому читателю, между тем многие вопросы публикации текстов, проблемы их интерпретаций и создания концепций творчества писателей не могут быть решены и всесторонне осмыслены без них, точнее – без объединения архивов, оказавшихся в разных странах.

Объединение знаний русских и американских архивистов позволило издать выдающуюся по значению книгу "М.Ю. Лермонтов: Исследования и материалы"², успешно завершить сбор и осмысление материалов по теме "Л.Н. Толстой и его американские корреспонденты".

Академическое собрание сочинений А.А. Блока в двадцати томах так же было бы неполным без трех писем А.А. Блока к Д.С. Мережковскому и З.Н. Гиппиус начала 1911 г., обнаруженных автором настоящей публикации в частном архиве американского переводчика и журналиста Томаса Уитни (город Вашингтон, штат Коннектикут) и скопированных с его разрешения. В настоящее время письма Блока вместе со значительной частью собрания Т. Уитни (русские рукописи и книги) переданы им в дар Эмхерст-колледжу, где создан Центр русской культуры во главе с профессором Стэнли Рабиновичем. С любезного согласия Центра осуществляется эта публикация.

Творчество Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус, а с момента личного знакомства и не только творчество, не только литературное дело этих старших символистов, но и их индивидуальности, характеры, судьба, их литературный салон и домашний быт были темой размышлений и оценок Блока, начиная с его первых шагов в литературе, со времени осознания им себя поэтом, и кончая последними днями его жизни. Тема "Блок и Мережковские" настолько многостороння и важна для понимания эволюции эстетических, философских и политических взглядов Блока, что ее не могли обойти вниманием исследователи творчества Блока даже в период, когда имена Мережковского и Гиппиус были в нашей стране под запретом и могли упоминаться только с отрицательной оценкой как имена злейших врагов революции и большевизма³. Наиболее глубокий анализ этой темы был дан в статье 1980 г. З.Г. Минц "Блок в полемике с Мережковскими"⁴. Статья богата по материалу, в ней впервые обильно цитируются письма к Блоку З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского и Д.В. Философова, однако уже заглавие статьи говорит о традиционности общей тенденции – показать взаимоотношения Блока с Мережковскими как путь от ранней юноше-

ской близости к разрыву. При этом путь Блока “среди революций” ведет, разумеется, к истине и демократии, а путь Мережковских от революции – к заблуждению, разрыву с народом и родиной.

З.Г. Минц пишет: «Путь поэта “среди революций” был сложен. Однако сквозь все сложности и противоречия, которых так много в поэзии и личности Блока, протянута как бы тугая струна: от уюта – на холод, от эстетизма – к поэзии как суровому долгу, к убеждению, что писатели должны играть роль тончайших и главнейших органов ее (родины. – З.М.) чувств (5, 444). Это был путь к демократии, к “миллионам” “бедных рук” и “исстрадавшихся глаз” (...) Путь Блока к демократии пролегал через многочисленные “разрывы”. Среди них особое место занимает полная драматизма история разрыва Блока с Мережковскими»⁵. З.Г. Минц спорит с Т.А. Пахмус, интерпретировавшей взаимоотношения Блока с Мережковскими как идиллические⁶, и ставит перед собой задачу “во всеоружии фактов восстановить историческую истину отношений Блока с Мережковскими как отношений *идейной борьбы*. Внутренняя напряженность этой борьбы связана с тем, что *разрыв* здесь в значительной мере был *уходом*, уходом из родного и привычного мира, с которым поэт был связан многими нитями”⁷.

По мнению З.Г. Минц, борьба между Блоком и Мережковскими ведется “по линии главного водораздела, по которому раскололась русская интеллигенция между двумя революциями”⁸, при этом путь Блока “среди революций” – “верный путь”, а «Мережковские принадлежали к тем, кто, по словам В.И. Ленина, “боится движения масс более, чем реакции»». Вершиной восторженного приятия Блоком революционного движения масс как музыкальной стихии истории З.Г. Минц традиционно называет “Двенадцать” – “закономерный итог” творческого пути поэта⁹. Неприятие же Мережковскими этой поэмы и статьи Блока 1918 г. “Интеллигенция и революция” безусловно признается ошибкой, ставящей Мережковского и Гиппиус в лагерь мракобесия и реакции. И хотя в статье З.Г. Минц собран богатейший материал, некоторые звенья истории “идейной борьбы” Блока с Мережковскими очерчены слишком бегло как несущественные – в частности, 1905–1911 и 1919–1921 гг., когда факты сложных отношений к революции

обеих полемизирующих сторон как бы сопротивляются этой традиционной схеме. Раздумья о сущности революционного движения, о революционной этике, о роли интеллигенции, народа и церкви в революции – и для Блока, и для Мережковских были чрезвычайно важны, и приходится признать, что иногда не Блок играл в их постановке “первую скрипку”. Письма Блока к Мережковским 1911 г. являются важным источником коррекции нашего понимания их взаимоотношений, переводя проблему из сферы идейно-политической борьбы в сферу идейного спора художников, воплощающих в художественных образах свой исторический опыт.

Попробуем кратко очертить историю восприятия Блоком художественного творчества Мережковского и Гиппиус, отметив кстати, что в случае с письмами Блока 1911 г. попытка З.Г. Минц “реконструировать содержание (а иногда – по цитатам – и стиль) блоковских писем” по ответным письмам Гиппиус, Мережковского и Философова¹⁰ оказалась неудачной: суждения Блока касаются художественного творчества Гиппиус и не имеют параллелей в его других письмах, дневниках, записных книжках и ответных письмах его корреспондентов.

Первое знакомство юного Блока с произведениями Гиппиус и Мережковского произвело на него сильнейшее впечатление (1899 год – чтение повести Гиппиус “Зеркала” в “Северном вестнике”; чтение в 1890-е годы статьи Мережковского “О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы”, в начале 1900-х годов – философского исследования “Толстой и Достоевский”, трилогии “Христос и Антихрист”). Воздействие идей Владимира Соловьева, усвоение философии Ницше и декадентского миропонимания происходит в это время главным образом через трактовку их Мережковским. Первый незавершенный набросок статьи Блока о русской поэзии (декабрь 1901 – январь 1902 г.), по справедливому признанию З.Г. Минц, «насквозь “прошит” цитатами и реминисценциями из Мережковского, переказами его идей»¹¹.

Внимание Блока привлекает и поэтическое творчество Мережковского и Гиппиус. В папке “Моя декламация” сохранились переписанные рукой Блока стихотворения Мережковского “Безымянные цветы”, “Мать”, “Соренто”, “И вновь, как в первый день творенья...”, два перевода Мережковского сонет-



*З.Н. Гиппиус,
Д.Н. Философов в кабинете
Зинаиды Николаевны,
1913 г. ИРЛИ.
Ф. 191.
ФБ. 4000.
№ НЗ786*

тов Петрарки “О красоте твоей молчать стыжусь...” и “Лукавый бог любви, я вновь в твоей темнице...”, а также стихотворения З. Гиппиус “Крик”, “Осень”, “Вечер”, “Молитва”, “Любовь – одна”, “Порой всему, как дети, люди рады...” В конце 1901 г. имя Зинаиды Гиппиус появляется в записной книжке Блока – в рассуждении о декадентстве и мистицизме по поводу выступления на эту тему Р.В. Иванова-Разумника. Блок цитирует статью Гиппиус “Критика любви”¹² в следующем контексте: «Говорят: струя мистицизма особенно заметна в новом декадентстве.

“Нельзя жить без бога” (Зинаида Гиппиус)»¹³. По мнению Блока, мистицизм, боязнь смерти, аскетизм и эротизм не являются признаками декадентства, потому что декадентство в поэзии – это новое, непонятное толпе субъективно-идеальное направление. В том же 1901 г. Блок переписывает в записную книжку из “Мира искусства”, 1901, № 5, стихотворение З. Гиппиус “Электричество”. Тогда же в списке работ для готовящейся Блоком статьи о новейшей русской поэзии¹⁴ вторым был назван рассказ Гиппиус “Среди мертвых”¹⁵. Собирался Блок использовать для статьи и



З.Н. Гиппиус.
Пересъемка
с журнальной
вырезки.
ИРЛИ.
Ф. 192.
ФБ. 198/3

Д.С. Мереж-
ковский в ра-
бочем кабинете. Из альбо-
ма П.Н. Мед-
ведева. РНБ.
Ф. 184.
ФБ. 516



стихи Мережковского и Гиппиус из сборника “Русские символисты”, и статью Мережковского “О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы” (ЗК, 27). В начале августа 1902 г. Блок собирается взять эпиграф из стихотворения Гиппиус для своего стихотворения “Я отрок...”, знаком “три креста” осенью 1901 г. помечает пьесу Гиппиус “Святая кровь”, тема которой – трагическая неизбежность и святость насилия и преступления, столь важная для Блока в дальнейшем. 26 марта 1902 г. состоялось личное знакомство Блока с Мережковскими. С 22 апреля 1902 г. началась их переписка. В письмах – деловые и нравственно-философские темы: о посещении заседаний Религиозно-философского общества, о журнале “Новый путь”, о путешествии на озеро Святлояр, о прекрасной сущности мечты о граде Китеже и об отвлеченном и реальном началах, присутствующих в мирозерцании поэта и его письмах. Вот одно из чрезвычайно важных ранних писем З.Н. Гиппиус к Блоку:

6 авг(уста) 1902
Луга, Заклинье.

Я не всегда даю себе позволение, дорогой Александр Александрович, писать такие отвлечен-

ные, образно-отвлеченные письма, как мое прошлое. Я слишком склонна к отвлеченности, игра *этим* огнем – для меня опасна. Приходится тогда уже полунасиленно возвращать себя из разных “чужих лестниц” к самым обыкновенным, ведущим от моей “светлицы” в столовую, от воображаемых “притихших” детей – к шумным и грязным деревенским ребятам, с которых сестры мои делают этюды, – и писать Перцову письма о том, удалось ли найти квартиру для редакции на Невском и почему лучше ей и “Литературной книжной лавке” быть на Невском, чем на Знаменской. Уверю вас, что вреднее всего для писателя и поэта бы – *главным образом* поэтом. Сначала как будто ничего, но скоро чувствуешь непобедимое внутреннее обмеление. И вот мне хочется, чтоб вы написали мне какое-нибудь реальное письмо о том, что вы делаете, с кем и как живете, что видно вашего окна, и есть ли около вас (или где-нибудь люди, с которыми вы не в чем не одиноки. Это понимаю, гораздо труднее написать, нежели мое стройное рассуждение о “синтезе”, но мы знаем, что “рассуждение о синтезе”, самая естественность зависит от жизни и от воли к жизни (также, впрочем, как жизнь и воля – от этого “рассуждения”). Одни отвлеченные письма и разговоры окончательно убивают человека для целого века, делают из него призрак, и укрепляют ту стену, которая и так стоит между людьми, созданным всем фальшивым, что было в истории и культуре (...))»¹⁶.

З.Н. Гиппиус
в рабочем ка-
бинете.
1910-е годы.
ИРЛИ.
ФБ-3999 4706

З.Н. Гиппиус
в гостиной
1910-е годы
ИРЛИ.
Ф. 187.
ФБ 4002.
№ 4096, № 11

Тема эта чрезвычайно близка Блоку; всю жизнь его будет мучить “проклятие отвлеченности”, всю жизнь он будет пламенно стремиться к “реальности”.

Блок отвечает на это письмо кратко, но буквально по пунктам – 16 августа 1902 г. (VIII, 42–43): вид из окна великолепный, “близкие люди у меня есть”, к домашнему театру “в соседнем имении”, где в прошлые годы он сыграл Гамлета, Чацкого и Скупого рыцаря, он охладел, да и театр “расстроился”. «Вся жизнь медленная, ее мало, мало противовеса крайнему мистицизму. А он ведь влечет за собой “непобедимое внутреннее обмеление”, эти Ваши слова я очень оценил» (VIII, 43). Переписка 1902 г.¹⁷ свидетельствует о большом авторитете “старшей символистки” в глазах Блока, о том, что по целому ряду вопросов его мысль побуждаема парадоксальными высказываниями Гиппиус, хотя он сопротивляется ее влиянию и настойчивому желанию вести за собой. Личная встреча с Мережковскими 21–22 сентября в Заклинье определила способ его психологического сопротивления: «Разговоры были, разумеется, довольно отвлеченны – об Антихристе и “общем деле” (...) Впечатление мое от самих доктрин Мережковского затуманилось еще более, и я уже совсем не могу ничего ни утверждать, ни отрицать, а потому избрал в этой области роль наблюдателя с окраской молчаливого мистицизма»¹⁸. Эту черту-состояние Блока в общении с ними отметила и сама Гиппиус, писавшая в воспоминаниях “Мой лунный друг” о беседах в Заклинье: «Он, во-первых, всегда, будучи с вами, еще был где-то – я думаю, что лишь очень невнимательные люди могли этого не замечать. А во-вторых, каждое из его медленных, скупых слов казалось таким тяжелым, так оно было чем-то перегружено, что слово легкое или даже много легких слов не годились в ответ.

Можно было, конечно, говорить “мимо” друг друга, в двух разных линиях; многие, при мне, так и говорили с Блоком, – даже о возвышенных вещах; но у меня, при самом простом разговоре, невольно являлся особый язык: *между* словами и *около* них лежало гораздо больше, чем в самом слове и его прямом значении. Главное, важное никогда не говорилось. Считалось, что оно – “несказанно”.

Сознаюсь, что иногда это “несказанное” (любимое слово Блока) меня раздражало.



Являлось почти грубое желание все перевернуть, прорвать туманные покровы, привести к прямым и ясным линиям, власть чуть не в геометрию. Притянуть “несказанное” за уши и поставить его на землю. В таком состоянии была своя правда, но... не для Блока»¹⁹.

А Блок все чаще не удовлетворен “отвлеченным теоретизмом” рассуждений Мережковского и Гиппиус, “мертвой филологией”, прямолинейностью противопоставления “двух бездн”, а с другой стороны – их торжествующей реабилитацией плоти, навязанной миру с его многообразием дихотомией “языческое-христианское”. Добавляется и влияние Л.Д. Менделеевой, юной ревнующей невесты поэта, которая к осени 1902 г. потребовала от него “оставить всех Мережковских”²⁰. Блок не сделал этого, но в стихотворении 14 декабря 1902 г. “Царица смотрела заставки...” запечатлел оба волнующих его образа – мудрой Царицы и невинной Царевны, т.е. Зинаиды Николаевны и Любови Дмитриевны: “Царевна румяней царицы – / Царицы, ищущей смысла. / В книге на каждой странице / Золотые да красные числа. (...) Ты сильна, царица, глубиной, / В твоей книге раззолочены страницы. / А невеста одною невинностью / Твои числа замолит, царица” (I, 249–250). Это одно из первых из стихотворений Блока о З.Н. Гиппиус. Оно было послано обоим адресатам, напечатано в “Новом пути”, объяснено Блоком в письме к Л.Д. Менделеевой 15 декабря 1902 г. как означающее отдаление от царицы, уход ее очень далеко, в тридцатое царство. Таково первое сближение и первое отдаление Блока и круга Мережковских, происшедшее в конце 1902–1903-м г. Блок возвращается от дисгармонии реальности, от “дел мирских” к Вл. Соловьеву, миру “Вечной Женственности”, царству Красоты. “Конец всеведущей гордыне”, – напишет он в стихотворении 30 ноября 1902 г. (I, 244). И 16 ноября 1902 г.:

Ушел я в белую страну,
Минувя берег возмущенный.
Теперь их голос отдаленный
Не потревожит тишину.

Они настойчиво твердят,
Что мне, как им, любезно братство,
И христианское богатство
Самоуверенно сулят.

Им нет числа. В своих гробах
Они замкнулись неприступно.
Я знаю: больше чем преступно
Будить сомненья в их сердцах.

Я кинул их на берегу.
Они ужасней ольяненных.
И в глубинах невозмущенных
Мой белый светоч берегу.

(I, 524)

Стихотворение это было опубликовано в 1907 г., в годы, к которым относится еще одно важное расхождение Блока с Мережковскими после нового сближения.

Собственно говоря, разрывов как таковых в их отношениях не было вплоть до 1918 г. поэмы “Двенадцать”. Но расхождения, взаимные “охлаждения”, “разочарования”, критические рецензии, насмешки, иногда весьма обидные – были нередки. Общественный подъем накануне 1905 г. захватил Блока во многом благодаря общению с кругом Мережковских, весьма увлеченных политикой движениями религиозных сектантов, программой эсэров, кадетов, участием в разнообразных общественных “протестах”. По мнению З.Г. Минц, эта общественная деятельность Мережковских для Блока “оказалась и первой школой доселе чуждой поэту общественности”, и первым его столкновением со столь ненавистным Блоку миром “либерализма, кадетства”²¹. З.Н. Гиппиус писала об этих 1905–1910 годах: “Вопросы общественные стояли тогда особенно остро. Был ли он вне их? Конечно, его считали апатичным и – готовы были все простить ему “за поэзию”. Но он, находясь вне многих интеллектуальных группировок, имел, однако, свои собственные мысли. Неопределенные, резкие в частностях. Столкновения которые когда-либо происходили между нами и Блоком, были только на этой почве Мимолетные, правда: ведь общих дел у нас не было, приходил он к нам один, да и касаться этих вопросов мы избегали. Но подчас столкновения были резкие”²².

Одно из таких столкновений – в марте 1905 г., когда Блок отказался участвовать в некоем “общем деле” во имя сохранения своей независимости и своего “декадентского достоинства”, – З.Н. Гиппиус резко отчитывает его за это:

“29.3.[1905]”

Мы оба, я и Дм[итрий] Серг[еевич], считаем ваш отказ просто некрасивым ломанием. Бо

потерять ваше декадентское достоинство, – вы весьма вредите человеческому, ибо у всякого из нас, я думаю, должно быть некоторое чувство солидарности, той общности, взаимопонятия и взаимопомогания, которые делают нас людьми.

Уходите в пустоту. Но не там придет к вам “Ясная”, будьте уверены. “Всечеловеческое” Она любит; но провал “всечеловеческого” и простого во имя “всесемейного” и неинтересно, безлюбовно, старомодно-вычурного – не думаю... не думаю...

3. Мережковская

Блок раздосадован – “А я не простился с Мережковскими, и вообще кончилось с ними как-то глупо и досадно, из-за Зинаиды Николаевны” (19 мая 1905, VIII, 124); “Куда-то совсем ушли Мережковские, и я перестал знать их, а они совершенно отвергли меня. Можно сказать, наплевали. Не знаю, надо так или не надо. Надрыва же никакого нет” (VIII, 136). Не было “надрыва” и после довольно резкой статьи Гиппиус о поэзии Блока “Стихи о Прекрасной Даме” (“Новый путь”, 1904, декабрь), и после очень резких статей Мережковского “Декадентство и общественность” в “Весах” 1906 г. и Гиппиус “Засоборились” (“Весы” 1907), и после бесцеремонного вмешательства сестер Гиппиус в любовный треугольник Блок – Любовь Дмитриевна – Борис Бугаев. В феврале 1906 г. Мережковские надолго уезжают за границу, – расставшись с Блоком “очень дружески, даже нежно”. Блок много пишет, в том числе статьи, в которых неоднократно анализирует творчество Мережковского и Гиппиус, анализирует уважительно, часто восторженно. В статье “Безвременье” октября 1906 г.²³ – восторженная похвала женским образам из рассказов книги Гиппиус “Новые люди” 1896 г. “Яблони цветут” (Марта) и “Мисс Май” (Мария-Май): “Бледный закат и тонкий зеленоватый серп месяца – музыка легких прикосновений у Э. Гиппиус. Преображение совершается в глубинах зеркала, в тенистой вечерней комнате, в падении пушистых снежинок”. Героини – “тонкие, узкие, гибкие женщины”, они смотрят вперед и поверх мира, они обречены с любовью, “в их шествии есть глубина знания о бесконечной свободе и какая-то вольная нищета – в узоре слабых девических рук” (V, 80). В 1907 г. в статье Блока “Три вопроса” – столь же восторженная оценка книги стихов Гиппиус “Собрание стихов 1889–1903” (1904) как “одной из оригинальнейших и замечательных в русской поэзии” (V, 239). В 1909 г. Блок отмечает достоинст-

ва книги-дневника Гиппиус “Светлое озеро” о путешествии к озеру Светлояр, граду Китежу²⁴. В рецензии на третье издание “Вечных спутников” Мережковского Блок раскрывает эволюцию писателя от мистики и эстетства к глубокому чувству родины, в котором Мережковский и становится “истинным писателем”: “... за спиной его – Россия, он – сын ее, и слезами обливается за нее, болью ее горит, тоской ее тоскует” (V, 636).

В 1908 г. Мережковские возвращаются в Россию. Новая встреча с Блоком приносит радость – он читает им “Снежную маску”, пьеса “очень хороша, несмотря на неровность, условность, порою дикость”²⁵, – и тревогу: Блок за эти годы сформировался, вырос в душе «свою Россию – и ее полюбил, и любовь свою полюбил – “несказанную”» и «налетная послереволюционная “общественность” на нем не держалась»²⁶. Впрочем, Мережковские приехали в Россию для того, чтобы возродить “общественное движение”, революционное дело в России. Они планируют взять в свои руки журнал “Образование” и газету “Утро”, куда привлекают Блока, – он тут же соглашается, излагая при этом свою гражданскую программу, которая нравится Мережковским: «Ближе всего нам, теперешним – ваша мысль о будущей революции и о народе (тут, вероятно, несхождения мыслей кое-какие, поговорим лично). Принимая это все (плюс ваш взгляд на журнал как на *строгое общее дело*) – за истинное, искреннее выражение ваших мыслей, веря этому вашему направлению воли (ваше “хочу”) – мы говорим вам: не стихи *только* от вас нам нужны, но все, где вы будете высказываться с наибольшей полнотой. Вы этим окажете настоящую помощь... не нам только, быть может. Мы хотим работать не для себя (о, сколько раз повторяли мы, что для обретения себя – надо не “сберегать” себя!), и потому у нас сейчас нет *самолюбий*, хотелось бы быть тут с вами равными. Мы хотим открыть вам наши двери для общего строительства и *совместной* работы, и если вы тут пойдете действительно нам навстречу – можно будет легче смотреть вперед и побольше верить, что делаем нужное дело» (письмо от 20.9 1908 г.)²⁷.

Письмо чрезвычайно важное, торжественное, уважительное, хотя ощущается в нем некая напряженность и забытые обиды после отказов Блока в прошлом от сотрудничества, а также и ожидание неких обид со стороны Блока, – например, за пренебрежи-

тельные отзывы о Блоке-критике в статье Гиппиус “Засоборились” или за полемику Мережковского с блоковской статьей “О реалистах” в статье “Асфодели и ромашка”: «И Александр Блок, рыцарь “Прекрасной Дамы, как будто выскочивший прямо из готического окна с разноцветными стеклами, устремляется в “некультурную Русь”... к “исчадию Волги”, хотя насчет Блока уже слишком ясно, что он, по выражению одного современного писателя о неудавшемся любовном покушении, “не хочет и не может”»²⁸.

Блок был очень обижен. 24 марта 1908 г. он записал в записной книжке:

“Мережковский – поганая лягушка – критик. Собака чужая совсем, а вдруг возьмет и облает: всегда досадно. И собаке-то ни к чему, черт ее знает. Плюнуть хочется. Книжный критик” (ЗК, 104). Досада переходит в размышления, отношения не прерываются, в записной книжке от 15 декабря 1908 г. появляется запись, восходящая к первому чтению книги “В тихом омуте” и проецирующаяся на будущую статью Блока о творчестве Мережковского: «Впечатление от фельетона Мережковского “Борьба за догмат” (схоластика и раскольничий огонь). Почему все не любят Мережковского? Оттого ли, что он знает что-то, или оттого, что не сходил в ад? Или – только за “надменность”. Читаешь “В тихом омуте” – и вспоминается... Тэн (плоскость), – а рядом – самые сокровенные и неподдельные чаяния.

За что Мережковский бранит “нас” (Городецкий, Чулков, я)?.. Оттого, что мы не нашли, или оттого, что он пришел куда-то, где ему страшно одному.

Вчера говорил ему, зачем он множит фельетоны с Булгаковым, Струве, Лурье, Евг. Трубецким, Эрном и пр. – Он отвечает, что нет у него права говорить о *самом* живом (в этом роде).

Крестоносцы на пути к гробу господню» (ЗК, 123–124).

По-видимому, вскоре после этой записи ее основные мысли были развиты Блоком в статье “Мережковский”²⁹. Он говорит здесь о двойственности восприятия Мережковского читателями – восхищении и негодовании: “Постоянно мы к нему прислушиваемся, постоянно он нас беспокоит, возбуждает в нас злобу, негодование, досаду, радость какую-то, какую-то печаль иногда. Но, будучи тончайшим художником, он волнует нас меньше, чем некоторые другие, менее совершенные ху-

дожники современности. Будучи большим критиком, даже как будто начинателем нового метода критики в России, он не исполняет нас духом пылкости, он сам не исполнен пафосом научного исследования. (...) ...есть в его душе какой-то темный угол, в который не проникли лучи культуры и науки. В этом углу – все темно, просто и, может быть, по-мужицки – жутко. Может быть, в этот угол проникает какой-нибудь другой свет?” (V, 361). В душе и творчестве Мережковского “две бездны”: он воин-крестоносец под знаменем Христа, но на пути “ко гробу Господню” он, как и они когда-то, задержался перед богатством культуры, перед Римом, и хочет взять всю культуру с собой, “ввести всю культуру в религию” (V, 363). Он – художник, влюбленный в культуру – и это видно и в его романах, и в самых прозаических строках его критических статей. «Когда он с подробной брезгливостью исчисляет стилистические грехи Леонида Андреева, когда говорит, что “без русского языка и русской революции не сделаешь”, когда цитирует два-три стиха (и редко больше) какого-нибудь поэта, когда бросает вдохновенное слово о звездах, видимых днем только в черной воде бездонных колодцев, – в нем говорит художник брезгливый, взыскательный, часто капризный, каким и должен быть художник. Когда он бранит русских декадентов, иногда сомневаешься, за что он больше бранит их: за то, за что хочет, – за “мистическое хулиганство” или за то, что они оскорбляют его тонкий, воспитанный на великих классиках, вкус» (V, 365).

Таков анализ Блока. Здесь уже нет места личной обиде, последний абзац статьи объединяет художника Мережковского с художником Блоком: “Жить в наши дни очень больно и очень стыдно; художнику – особенно” (V, 366). Блок положительно отзывался о главе “Пушкин” из “Вечных спутников” Мережковского (V, 635), как о поэте классическом сказал о Мережковском по поводу выхода его “Собрания стихов (1883–1910)” (V, 657).

И даже статья Блока, оставшаяся неоконченной и напечатанная по рукописи уже после смерти Блока³⁰, которую Блок писал в запале обиды, в ноябре 1910 г., это, по сути дела, не выпад против, а попытка объяснить и оправдать собственную позицию в глазах несправедливого мэтра.

История этой статьи и этой полемики непосредственно подводит нас к содержанию

тех писем Блока января – февраля 1911 г., которые в настоящей публикации мы вводим впервые в контекст истории взаимоотношений Блока с Мережковским и Гиппиус.

Поводом конфликта между Мережковским и Блоком послужила статья Мережковского “Балаган и трагедия”³¹. История появления этой статьи-фельетона такова. 17 марта 1910 г. Вячеслав Иванов прочел в “Обществе свободной эстетики” доклад “О новых литературных группировках”. Через несколько дней (26 марта) Вяч. Иванов сделал еще один доклад – в только что возникшем при журнале “Аполлон” “Обществе ревнителей художественного слова” – “Заветы символизма”. Ответом Иванову стал доклад Блока “О современном состоянии русского символизма”, прочитанный там же 8 апреля. Оба последних доклада в обработанном виде были опубликованы на страницах журнала “Аполлон”³². Эти статьи вызвали резкую отповедь В. Брюсова – «О “речи рабской”, в защиту поэзии»³³. Брюсову отвечали Андрей Белый – “Венок или венец”³⁴, С.М. Городецкий³⁵. Возражал Блоку и Вяч. Иванову Мережковский.

В докладе и статье “О современном состоянии русского символизма” Блок говорил о сущности кризиса сознания “младших символистов” и о понимании ими новых задач. Он цитирует слова Вяч. Иванова – “Мир прекрасен, мир волшебен, ты свободен”, являющиеся лозунгом современного символизма, бросающего весь мир в горнило своего художественного творчества, чтобы добыть искомое – “красавицу куклу”. «Итак, свершилось, – писал Блок, – мой собственный волшебный мир стал ареной моих личных действий, моим “анатомическим театром” или “балаганом”, где сам я играю роль наряду с моими изумительными куклами (esse homo!)» (V, 429). “Мертвая кукла”, “красавица кукла”, “синий призрак”, “земное чудо” – это создания поэта, так же, как внешний мир, в том числе русская революция. “Не она захватила нас, но она была и есть одно из проявлений помрачения золота и торжества лилового сумрака, то есть тех событий, свидетелями которых мы были в наших собственных душах. Как сорвалось что-то в нас, так сорвалось оно и в России” (V, 431).

Блок настойчиво проводит параллель между Россией и ее судьбой в революции – и душой поэта-символиста. “Как перед народной душой встал ею же созданный синий при-

зрак, так встал он и перед нами. И сама Россия в лучах этой новой (вовсе не некрасовской, но лишь традицией связанной с Некрасовым) гражданственности оказалась нашей собственной душой”. «О народной душе и о нашей, вместе с нею испепеленной, надо сказать простым и мужественным голосом: “Да воскреснет» (V, 435). “Подвиг мужественности должен начаться с послушания”. Путь к подвигу – “ученичество, самоуглубление, пристальность взгляда и духовная диета” (V, 436). Лиловые миры захлестывают художника – и он гибнет. Так погибли Лермонтов и Гоголь, Врубель и Комиссаржевская. В глухую полночь искусства художник сходит с ума и гибнет. А за ним – в гибель бросаются “непосвященные”: “Все мы как бы возведены были на высокую гору, откуда предстали нам царства мира в небывалом сиянии лилового заката; мы отдавались закату, красивые, как царицы, но не прекрасные, как цари, и бежали от подвига. Оттого так легко было броситься вслед за нами непосвященным; оттого заподозрен символизм” (V, 435). Но поэты-символисты никого не зовут за собой и никого не стараются воспитывать и поучать. “За себя лично я могу сказать, что у меня если и была когда-нибудь, то окончательно пропала охота убеждать кого-либо в существовании того, что находится дальше и выше меня самого...” (V, 432).

Подробные цитаты из статьи Блока нужны нам для того, чтобы было понятно внимание к этой статье З. Гиппиус и Д. Мережковского, – первой потому, что она именно в это время работала над романом о русской революции, молодежи в ней, разочаровании, формировании особого типа участвовавшего в революционном движении интеллигента – играющей в революцию куклы; второго – потому, что тема интеллигенции в революции была для Мережковского болезненно дорогой: равнодушие, самоизоляция и самоистребление молодой интеллигенции, разочаровавшейся в революции, поигравшей в нее и оставившей ее на откуп “грядущему Хаму”, бунту темного народа, несущему гибель культуре, России и самой революционной идее, казались Мережковскому самым страшным пороком.

Об этом Мережковский и написал в ответе Блоку: «По мнению декадентов, русская революция – балаган, на котором Прекрасная Дама – свобода оказалась “картонной невестой” и “мертвой куклой” и человеческая

кровь – клюквенным соком (...) Я не удивлюсь, если завтра Вяч. Иванов, Ал. Блок и прочие окажутся вместе с Илиодорами и Гермогенами. Кому же кажется нынче свобода “картонной невестой”? Кто не плюет на потухающий жертвенник? Чье ослиное копыто не лягает мертвого льва? И не видят они, что если в душе у них “сорвалось”, кончилось “балаганом”, то в России продолжается трагедия, и что надо быть черной сотнею, чтобы считать человеческую кровь за клюквенный сок»³⁶.

В газете “Русское слово” были напечатаны лишь выдержки из фельетона Мережковского, статью пришлось переделывать “в смысле цензурном”. 22 окт. 1910 г. Блок пишет Андрею Белому, за месяц перед этим возобновившему переписку между ними после более чем двухгодичного перерыва именно для того, чтобы высказать Блоку свое восхищение его статей: «Продолжаешь ли ты относиться к моей статье о символизме с прежним доверием? (...) достаточно ли ясно она написана и, следовательно, достаточно ли ясно она для Тебя? (...)»

Ближайшим поводом к упорному задаванию Тебе этих вопросов о себе служит следующее: недавно в (...) газетке я прочел выдержки из фельетона Мережковского о статье Вяч. Иванова и моей. К сожалению, могу только догадываться о том, что пишет Мережковский, но, кажется, я прав: Мережковский ничего не захотел понять (или действительно не понял? оттого я спрашиваю, ясно ли написана статья). Сверх того, Мережковский решил, что статья суть проявление “мании величия” на почве большой русской общечеловечности. Если это так, то мне больно, что Мережковский отнесся так именно к той статье, которая наиболее исходит от меня – человека; пока я “получеловечно” писал о промежуточном – об “интеллигенции”, например, или о Л. Андрееве и Городецком, – Мережковский принимал; когда заговорил человек, он закричал о мании величия»³⁷.

Ответ Андрея Белого был беспощаден к Мережковскому и подлил масла в огонь блоковского раздражения.

«Статья Мережковского есть позор и гадость; слышать о ней не хочу; после этой статьи, как и многого другого, я просто без всякого объяснения отвернулся от Мережковских, фактически я отвернулся от них два года; есть в памяти любовь к людям; полемизировать и бороться с ними не хочу, как не хочу вообще ни с кем никакой полемики; просто фактически молчаливо я ушел от них.

Статья же о Тебе и Иванове есть форменная провокация, смысл: символисты “начали сладью – кончили гадью” (слова Мережковского). Блок изобразил революцию в виде “Балаганчика” (это донос читателям “Русс[кого] Слова”). После статьи я написал было Мережковскому: “Разрываю с Вами все”. Но не послал (...) Мне было бы обидно за Тебя, если бы Ты не дал понять так или иначе Мережковским, что данная статья о символистах не есть просто “полемика”, а либеральный дешевой донос (...) на своих друзей»³⁸.

Последняя фраза Андрея Белого явно задела Блока, он цитирует ее в письме матери от 31 окт. 1910 г., а 22 нояб. принимает решение:

“Мама, я решил отвечать Мережковскому на его гадости. Лучше хоть поздно. Написал письмо и буду опровергать печатно. Когда сделаю это, пришлю тебе его фельетон” (VIII, 321).

Блок пишет Мережковскому резкое письмо с обвинением в клевете. Это письмо (от 21–22 ноября) не найдено. О его содержании можно судить по пересказу в письме к матери 22 нояб. (краткому, так как Блок “изнервлен этими отписками Мережковскому”): “Восьмидесятники, не родившиеся символистами, но получившие по наследству символизм с Запада (Мережковский, Минский) растравили его, а теперь пинают ногами то, чему обязаны своим бытием. К тому же они мелкие люди – слишком любят слова, жертвуют им людьми живыми, погружены в настоящее, смешивают все в одну кучу (религию, искусство, политику и т.д.) и предаются истерике. Мережковскому мне просто пришлось прочесть нотацию” (VIII, 321).

Д.С. Мережковский отвечал А.А. Блоку:

«24 ноября 1910

Литейная 24 кв. 10. СПб.

Глубокоуважаемый

Александр Александрович,

письмо Ваше застало меня перед самым моим отъездом, но хочется Вам все же ответить, хоть двумя словами.

Оно, Ваше письмо, меня глубоко огорчило. Я не могу согласиться с Вами, что я Вас “оклеветал” в моей статье. Клевета предполагает сознательный и злостный умысел, которого у меня не было. Я понял Вас так, как это написал в статье, и если неверно понял, то в этом виновата моя бездарность, глупость сердца, которую я в себе в высшей степени сознаю. Но желания причинить Вам вред у меня не было вовсе. Хотелось бы, чтобы Вы, если не сейчас, то потом, когда будете спокойнее, поверили одному: я, после Вашего письма, чувствую себя виноватым перед Вами – вот в чем: я Вас оскорбил нечаянно, сам того не желая, от недостатка личного внимания, лично к Вам. Общественной вины моей я перед Вами не понимаю и сейчас. Но если Вы мне ее разъясните, то я готов заранее согласиться с Вами. В чем я Вас обвинял печатно, то скажу Вам и с глазу на

глаз в этом письме. У Вас есть м[ожет] б[ыть] бессознательная, но все же вменяемая измена тому святому, абсолютному (не символическому, а воплощенному). что [есть в] было в русской революции и для Вас когда-то было. Все наше глубочайшее, вовсе не личное и даже не общественное, а религиозное разногласие заключается в том, что для Вас наивысшее – Символ, а для меня есть высшее, чем Символ, – Воплощение, и я принесу Ему в жертву все символы. О, конечно, и в том числе и все в сам[ую]ю революци[ю]и, [которая тоже] что в ней лишь символ.

[Но я] Но я принесу [ее] все символы в жертву только Воплощению, а не какому-либо другому равному символу, (напр[имер] искусству, нравствен[ному] самоусовершенствованию), "самоуглублению", или хотя бы Невоплощенной Прекрасной Даме)...

Все это – неясно. Но я не умею написать сейчас яснее. Я и тороплюсь, и взволнован до глубины души Вашим письмом.

Если Вы напишете мне печатное возражение, то я его прочту внимательно, без малейшего предубеждения и постараюсь всеми силами (почти уверен, что мне удастся это сделать) печатно же ответить Вам, так, чтобы признать открыто мою вину перед Вами, т.е. невнимание к Вашей личности. Если окажется, что Вы общественно правы, что Вы вовсе не желали оскорбить святого в революции, я первый буду этому рад.

Во всяком случае, помните – у меня нет и не было ничего кроме доброго чувства к Вам лично. Из-за чего же, подумайте, я сейчас пишу к Вам? Ведь житейски, и литературно, и всячески мы бесконечно друг другу чужды. Но я в Вас высоко ценю именно это чуждое, подлинное.

Многое еще хотелось бы написать Вам, но Вы теперь все равно меня не будете слушать.

Если можете, простите, а если нет, то все-таки будет полегче обида [моя] Ваша, когда Вы узнаете, что мне очень тяжело оттого, что Вы на меня сердитесь. Если Вы мне сейчас не поверите, то я знаю, что Вы когда-нибудь поймете, что это письмо совершенно искреннее.

Искренне преданный Вам

Д. Мережковский

P.S. если Вам почему-либо трудно будет пристроить Ваш ответ мне в газеты, то я готов Вам в этом помочь, как бы резко и даже грубо Вы мне ни ответили. В Русск[ом] Слове не согласятся поместить Ваш ответ, но в Русскую мысль и в Речь я могу написать письмо, прося, как личной для себя услуги, чтобы они поместили Ваш ответ, ничего не смягчая. В случае Вашего согласия, я Вам пришлю это мое письмо к Струве или Гессену. Если Вы согласны, то пришлите мне Ваш ответ, и я pošлю его от себя с моим письмом. Разумеется если Вы этого не пожелаете, то я все-таки всеми силами постараюсь Вам ответить печатно, так, чтобы чувства личной обиды у Вас не могло остаться.

Но, во избежание недоразумений, помните: я не считаю себя общественно неправым перед Вами – это же буду утверждать и в моем печатном письме, если Вам не удастся разубедить меня Вашим ответом»³⁹.

Это взволнованное и искреннее письмо рассердило Блока и, возможно, побудило его написать Мережковскому еще одно письмо, также до нас не дошедшее. 19 дек. 1910 г. он сообщает Андрею Белому: "Я написал Д.С. Мережковскому несколько резких писем. Он отвечал так, что лучше бы и совсем не отвечать" (VIII, 323). В письме к матери 29 ноября Блок назвал ответ Мережковского "елейным" и "мертвым". Однако, как бы следуя совету Мережковского, садится писать ответ на его фельетон. Статья эта не была закончена и, очевидно, не случайно. Начатая чрезвычайно резко, она уже со второго абзаца отражает перемену настроения и раздумья поэта: "Впрочем, Мережковский *не виноват в том*, что его личная тема мешает ему отнестись сколько-нибудь внимательно к чьей бы то ни было чужой теме; *виноват он только в том*, что почел необходимым обругать то, до чего ему не было никакого дела: символическую школу поэзии (к которой сам он, однако, принадлежит); *да и в этом он, пожалуй, не виноват*, потому что в тяжелых условиях русской культуры лежит, по видимому, до сих пор эта непримиримая вражда современников между собою; всякий только смотрит и ищет, как бы ему кого-нибудь обругать, притом – *чем ближе человек, тем язвительней и беспощадней*" (курсив мой. – Н.К.) (V, 442).

"Я совсем не хочу спорить с Мережковским", – начинает Блок третий абзац своего ответа. В результате от запальчивости начала почти ничего не остается, кроме споразмышления о том, можно ли считать "гордым и самоуверенным" утверждение поэтов-символистов: "как Россия, так и мы", – "что особенно самоуверенного в том, что писатель, верующий в свое призвание, каких бы размеров этот писатель ни был, сопоставляет себя со своей родиной, полагая, что болен ее болезнями, страдает ее страданиями, сораспинается с нею, и в те минуты, когда ее измученное тело хоть на минуту перестают пытаться, чувствует себя отдыхающим вместе с нею?" (V, 443).

Возражение Мережковскому постепенно переходит в оправдание перед ним и перед другими критиками: «Многие недоумевали и

негодовали на мое описание “лиловых туманов” и были, пожалуй, правы, потому что это самое можно было сказать по-другому и проще. Тогда я не хотел говорить иначе, потому что не видел впереди ничего, кроме вопроса – “гибель или нет”, и самому себе не хотел уяснить (...) Россия была больна и безумна, и мы, ее мысли и чувства, вместе с нею» (V, 445).

Раздумья ноября 1910 – начала января 1911 г. привели к тому, что 10 января Блок переписывает набело и отправляет два письма – Д.С. Мережковскому и З.Н. Гиппиус. Тексты этих писем до настоящего времени считались утерянными. История же их такова.

После смерти З.Н. Гиппиус большая часть ее архива через Владимира Злобина и Грету Герелль из Франции была перевезена в США, где поступила на хранение в Университет г. Урбана штата Иллинойс и в частное собрание Т.А. Пахмус, профессора Иллинойского университета. Однако часть архива “отложилась” и попала на развалы парижских букинистов, где и была приобретена неким филателистом (вырезанные с частью конвертов марки – следы пребывания рукописей в этих руках). В дальнейшем рукописи и письма Мережковского и Гиппиус, а также большое собрание писем к ним от разных лиц оказались в США, где и были приобретены коллекционером, переводчиком и журналистом Томасом Уитни.

Письмо А.А. Блока Д.С. Мережковскому – три страницы чистового текста на желтоватой бумаге с водяными знаками “Original Ligat Mills”:

«10 января 1911 г.

СПб. М. Монетная 9, кв. 27

Глубокоуважаемый

Дмитрий Сергеевич.

Мне внутренне необходимо опять написать Вам. Если Вы можете простить меня, то простите за грубые письма, которые я Вам писал. Отношение мое к Вам – живое, потому – часто острое и переменчивое.

Ваш фельетон и многое в Вас мне, по-прежнему, враждебно, но Вы играете слишком большую роль в моей жизни, чтобы я мог легко отвергать или принимать Ваше. Мне нелегко было тогда на Вас огрызнуться, нелегко и теперь Вам писать, но то и другое – необходимо.

Возражать Вам я, конечно, буду, при случае, но иначе, чем хотел, – просто и спокойно. Поверьте, что я искренно и просто прошу Вас меня извинить.

Александр Блок».

В этот же день было написано и второе письмо – З.Н. Гиппиус. Тон письма иной – более человечный, менее официальный:

«10 января 1911.

Глубокоуважаемая
Зинаида Николаевна.

Пишу Вам и Дмитрию Сергеевичу одновременно. Прошу и Вас простить меня за мои ноябрьские письма к нему. За это время я часто вспоминал Вас – все лучше и лучше. Моя резкость и грубость происходила отчасти оттого, что я чувствовал и чувствую себя совсем больным. Все это нервное и должно скоро пройти, а пока мы все живем здесь совсем тихо, и во многих происходит внутренняя работа – медленная, как и следует.

На днях опять вспоминал Вас с Ремизовым. Стал читать Вашу повесть в “Русской мысли”. Потом увидел Вас во сне. Понял отчетливо, что хочу писать Д[митрию] Серг[еевичу] и Вам. В Вашей повести прочитал опять и опять то невыразимое и единственное, что свойственно Вам одной. И об этом хочу Вам написать, хотя Вы всегда делаете выговор за то, что Ваши повести и стихи нравятся. – Пожалуйста, скажите Дмитрию Владимировичу, что я его приветствую сердечно, и извините меня.

Любящий Вас

Ал. Блок.

Ремизов просит передать, что он послал Д[митрию] В[ладимировичу] свой второй том в Париж 22 дек[абря] нов[ого], ст[илия].»

Ответы на эти письма последовали сразу и также были написаны в один день – 24 января / 6 февраля 1911 г. Д.С. Мережковский А.А. Блоку:

«Дорогой Александр Александрович, как я обрадовался Вашему письму – точно гора с плеч! Так тяжело было думать, что мы в ссоре, да еще по моей глупой вине. Хотелось бы Вам много, много написать, а чувствую, что писать не могу – надо видеть Вас и говорить с Вами.

Я всегда верил в Вашу силу и правду и внутренний свет. И если “провоцировал” Вас в моей статье так неуклюже и грубо, то потому, что возревновал Вас к Вам же. Может быть, и неверно и некстати. Но что-то говорило мне и тогда, что Вы не покинете нас, что Вы будете всегда рядом с нами в том великом религиозном и революционном движении, которое сейчас в России начинается. И что из того, что Вы не знаете в лицо, не называете по имени Вождя – Вы ближе к нему, чем многие, кто знает и называет. М[ожет] б[ыть], гораздо ближе меня. В Нем я и люблю Вас, ну вот, право же, люблю. Простите, что так козноязычно (Так! З.М.) пишу. Но Вы поймете все.

Д. Мережковский⁴⁰».

З.Н. Гиппиус А.А. Блоку:

«24/6-1-2-(19)11

Милый Александр Александрович... нет, милый, милый наш, всегда милый Саша Блок! Какую радость Вы доставили нам Вашими письмами! Вот этими, двумя последними, ко мне и к Д[митрию] С[ергеевичу]. Я-то знала, что так оно будет. Я уж знала, что не может случиться, чтобы Вы оставались всегда враждебным Д[митрию] С[ергеевичу] и далеким мне. Ведь это не "сущее", это марево, которое застилает крепкое сущее, а оно – хорошая близость и хорошая любовь. Мне хотелось самой написать Вам (тем более, что ведь мы с Д[митрием] С[ергеевичем] во многом разные люди, и Ваша враждебность к нему разве только легкой тенью могла падать на меня) – и не написала лишь потому, что все-таки кое в чем мне пришлось бы говорить за Д[митрия] С[ергеевича], говорить о том, что он очень искренно огорчен Вашим отношением, искренно думает о своей возможной вине перед Вами и жалеет о ней. А Вы бы тогда и мне не поверили. И я решила ждать, веря, что Вы сами напишете, сами поймете, что хорошая близость людей – великая ценность, и что Вы отнимаете вашу близость у нас, у Д[митрия] С[ергеевича] не по мере его вины перед вами.

Ну, так и вышло. Вы и написали. Давно бы ответила Вам, с первого дня, если бы разные форсе падеи не помешали. К марту мы вернемся в Петербург. Радостно увижусь с Вами, обо всем поговорим. Хотелось бы так много, так много рассказать Вам хорошего, важного, светлого. Я знаю, что кое в чем мы с Вами не близки и никогда, быть может, не будем вполне близки, – но есть большая жизнь и такие разные в ее саду цветы, и думаю – верьте не верьте – думаю, чувствую, что многие из этих цветов – любимые как Вами, так и нами, одни и те же.

"Жизнеописание Юрули" (моя повесть в Русск[ой] М[ысли]) – большие на меня нарекания наводят – со стороны самых близких людей. Упрекают меня, что неблизкие – ничего не поймут или поймут наоборот, а потому, ради них, и нельзя так писать. Слишком скрытно, сжато – "секретно". Что тó вездесущее "оно", которое есть Юруля (конечно, он не живой человек!), написано у меня не "обличительно", а не видно, как я к нему отношусь. Но я и не хотела, чтоб это было видно. Да и разве важно, как я отношусь? Оно есть, и такое обыкновенное, такое... почти банальное, что даже не замечаешь, что оно – и важное. Я хотела его только нарисовать – а себя скрыть.

И очень мне было бы ценно, чтобы Вы мне написали, что об этой повести думаете и что в ней видите. Не бойтесь бранить, Вы знаете, что я всяким чужим словом только пользуюсь, беру из него себе на потребу и на учение. Да и все написанное – уже прошлое, а я всегда гляжу вперед и наденю сделать гораздо лучше.

Напишите о себе. Целую Любу, помню ее все-

гда. Нашла здесь ее письма ко мне в Париж и с нежностью их перечитывала.

Вас тоже обнимаю сердечно.

Ваша Зин[аида] Гиппиус»⁴¹.

Блок отвечает на это письмо на двух больших, сложенных вдвое листах:

«3/16 февр[аля] 1911.

Милая Зинаида Николаевна.

Письма – Ваше и Д[митрия] С[ергеевича] – меня очень и очень обрадовали. Слава Богу. Об этом даже не хочу больше писать, ни ему, ни Вам. Только передайте ему, пожалуйста, что я его нежно благодарю. Увидимся в марте. Дмитрию Владимировичу тоже передайте, что я его записку получил, что рад, что мы хорошо встретились, и жалею, что больше не видались.

Хочу сказать Вам несколько слов о "Юруле" – не "литературных" (м[ожет] б[ыть], и правы те, кто говорит, что повесть "некрепко" сделана; однако – большое мастерство в той главе, где "огонь электричества провалился"; но все это для меня было неважно, когда я читал); мне всего важнее в повести была скрытая "юность". Это – "моложе" (юнее, свежее) большинства Ваших последних вещей, приближается к первым, начиная с "Яблони цветут". Вы – единственная в своем роде "носительница" холодного закатного ("предвесеннего") неба и зеленоватого месяца на нем; когда такое небо и такой острогогий месяц опускаются и врезаются в самое страшное, что есть на земле теперь (стихию "с.-р.", не партию, а стихию, страшную именно тем, что этот хаос еще пошевелится), – тогда и достигается атмосфера юности: холодное, обещающее; это – гораздо более "физика", чем мистика. Оттого, я думаю, Вы равно и любите, и не любите самого Юрулю (впрочем, я знаю пока только первую часть, и скорее думаю даже, что Вы его просто любите). Эта юность есть "холодок" Вашего искусства, здоровый и действительный. Как объяснить эту действительность, я уж не знаю; мне всегда бесконечно важно Ваше сходение в мещанскую среду и тяготение к этой простоте, потому что именно здесь, сквозь призму Вашего искусства, я вижу яснее всего, как связуются личное и общественное (связующее людей), без взаимного ущерба. Одно не преобладает над другим, и нет ни недостижимых миражей (декадентства), ни безнадежной сочности (реализма последней формации). Правда, и у Вас есть своя "страна", т.е. Вы не царствуете свободно в мире, но приподнимаетесь над землей. Однако я (лично) мало над чем умел праздновать земные надежды, а над Вашим искусством – умел. Также действовали на меня некоторые главки А. Карениной. – Всего этого я еще не могу сказать отчетливо, а то бы написал статью.

Вам Люба очень кланяется.

Любящий Вас

Ал. Блок».

Это письмо имеет конверт – серо-голубой, с марками по 3 и по 7 копеек, со штампом “С. Петербург 29”, датой 4.2.11, почтовым ярлычком “402. R. St.-Petersbourg, 29.”»

Адрес на конверте рукой Блока:

«Франция.

France. Cannes (A.M.)

Hotel de l'Estérel.

A Madame

Z.N. Merejkowsky

Заказное. Mecommandée»

“Юруля” – первая часть романа З.Н. Гиппиус о революции, роли интеллигенции в ней и о герое – Юрии Двоекурове, примкнувшем к революции из игры, в поиске остроты ощущений, – “Чертова кукла”. Это необыкновенно красивый и эгоцентричный юноша, говорящий всегда правду, которого любят друзья – Наташа, Хesia, Михаил, в дни революции 1905 г. он был вместе с ними, но уже тогда их вера не была его верой:

“Помните, какое было время? И какие все тогда были живые, молодые, веселые...” – говорит Юруля Наташе.

– Верующие... – тихо сказала Наташа.

– Пустое! Моя вера и тогда была та же, что и теперь, а я был с вами. И разве я что-нибудь скрывал от вас? Говорил громкие слова, подерживал ваши идеи? Разве обманывал вас даже тогда, когда мы вместе в Москве сидели, когда ни за один день отвечать нельзя было, когда я ваши поручения исполнял, а вы, случалось, мои? Разве я старался уверить вас, что я ваш, что по гроб жизни буду заниматься революцией, что думаю, как вы...”⁴² Философия Юрули – “делаю ваше дело потому, что мне очень сейчас приятно, увлекательно, нравится, – и должно оно нравиться молодости. Без этого, если б я тогда со стороны глядел, а не жил, – молодость была бы не полна, ну, и жизнь, значит, не полна”.

Дмитрий Владимирович Философов, которого Блок упоминает в письмах, также вспоминал об их встрече в “Обществе ревнителей художественного слова” (“Поэтической академии” при журнале “Аполлон” под руководством Вяч. Иванова): “Первый, кого встретил – Блок. Целовались с ним. Спрашивал, получил ли Дмитрий его *извинительное* письмо, которое он недавно отправил. Затем видел Вячеслава. (...) Поликсены не было. Речь Иванова была хороша. Блок говорил о несказанном. Больше никто не говорил. Нет, какой-то поляк. Каблуков невменяем (...)”⁴³ Это письмо – “хроника” о культурных событиях петербургской жизни, такие письма по-

сылали З.Г. Гиппиус в Париж ее друзья-корреспонденты – сестра Татьяна, М. Шагинян, Д.В. Философов – начиная с 1906 г.

Отношения Блока и Мережковских продолжались. “В эти годы, такие внешне шумные, порою суетливые, такие внутренне трудные, тяжелые и сосредоточенные, я помню Блока все время около нас, но не с нами; не в нашей жизни, а близ нее. У меня была потребность видеть его; очевидно, была она и у него – он приходил часто (...) Приходил надолго; мы засиживались с ним – иногда и наедине – до поздней ночи. Читал мне свое или просто говорили... о чем? не о стихах, не о людях, не о нем, – а то, пожалуй, и о стихах, и о людях, и о нем, в особом аспекте, как über die letzte Dinge – как “о самых важных последних вещах” – около них, разумеется»⁴⁴. Зинаида Николаевна давала Блоку брать из своих стихов любые, чтобы посвящать их ему. Он – видел ее во сне, записывая в дневнике и записных книжках их разговоры. Вот один из “снов”, записанный 25 июня 1911 г. в шесть часов утра: «Проснулся: “Саша больна – при смерти”. – Кто это Саша? Это же барышня... (которая была у Мережковского...) – Саша сказала мне, что я буду ее крестом для вас. (Скорее верно дальше). И объясняющее странное движение, все т же плещущее сгорание одежд. Когда мы (Пястом) вошли, – пошел вниз лифт (Дмитрий Владимирович), захлопали и зашуршал двери, долго оставалась лампочка электрическая, в передней прислуга говорила уютно что-то. Пяст исчез. Потом – где-то мим лампочки появилась она, и те же глаза впились и позеленели на стареющем красноватом (!? да, да) лице, и необъяснимая тайная танца. В каком-то качании – колдовство, и вынул душу, разбудила. Который раз вижу ее во сне, и в знак чего? Никогда ничего и не было, кроме тайных влияний.

И много других сквозь качания журчащих речей – и зигзаги на стене, оставляемые двумя линиями. Много раз исполосовала этим двойными зигзагами мою душу, но мою душу заставила наконец провести по ее душе свс единственный (от других отдельный и не сливающийся) глубокий и тяжелый зигзаг. Хотя я и чувствовал дикую легкость колдовства, но был бессилен (что вы будете ей крестом для меня – неповторимо и объяснено только движением качания).

Думает ли она обо мне в такие, обыкновенно утренние, часы? Я проснулся в уютно

доме (весь мир стал домом, тихий – мокрый, зеленый – дождик идет). Я думаю, что дума-ет и она» (ЗК, 182–183).

В 1911 г. Блок собирался писать о Зинаиде Гиппиус статью (“Запечатанная поэзия”), записывал мысли о “сходстве” их дум об “общественной бюрократии”, о полном, уми-лительном согласии мнений по поводу “Сашки Жегулева” и его автора, “властителя совре-менных дум” Л. Андреева (VII, 105). Она дарит ему вышедший отдельной книгой свой роман “Чертова кукла”⁴⁵ с надписью: “Другу моему Александр Александровичу Блоку с любовью искренней автор. 23 дек[абря] [19]11. СПб.” Он ей – сборник стихов “Ноч-ные часы”⁴⁶. Благодарность за этот подарок – в письме Гиппиус от 21 декабря 1911 года: «Спасибо за книжку, знаете, она мне очень понравилась. Просто себе очень понрави-лась. Есть “магия” в ней. Некоторые строчки я даже бессмысленно и безмысленно по дням повторяла – иногда чуть не с досадой, когда уж очень долго. “Понравилось”, в сущности, не слово... Впрочем, у вас и раньше бывали строки, именно у вас, которые “мне повторя-лись”, невольно, подсознательно (...)»⁴⁷.

Тема настоящей статьи не позволяет вый-ти за пределы 1911 года. Можно лишь упо-мянуть о стихотворении Блока, посвященном З.Н. Гиппиус в 1914 г. – “Рожденные в года глухие”, – ранние редакции этого стихотво-рения написаны как бы от их общего имени: “Но мы – мы дети дней свободы / Мы не за-были ничего”. Можно анализировать более поздние сближения и расхождения – 1916 г.: по поводу трактовки Блоком Аполлона Гри-горьева – статья З.Н. “очень ругательная”; 1918 г. – неприятие Мережковскими поэмы “Двенадцать” Блока, широко известное. И все же – два среди самых последних стихо-творений Блока посвящены З.Н. Гиппиус: “Женщина, безумная гордячка...” (в котором есть замечательные строки: “Ядом напоен-ного кинжала / Лезвие целую, глядя в даль...” и в ранней редакции: “Голос ваш бессилен в этом споре, Вам не переспорить океан...”); и “Вы жизнь по-прежнему несколько...” – от-вет на посвящение Блоку книги Гиппиус “Последние стихи”: “Бывшему Рыцарю Пре-красной Дамы” / “Впереди Двенадцати не шел Христос”). У них были разногласия по поводу войны 1914 г. и большевиков, судьбы России и религии; Зинаида Николаевна подо-зревала Блока в антисемитизме и осуждала его за это. В 1921–1922 гг. в Париже, Мереж-

ковские стремились узнать подробности о судьбе Блока, – и радовались сведениям, что он “прозрел”, и горевали при известии о его болезни, “молчании” и смерти. В 1922 г., сра-зу после известия о смерти Блока, Гиппиус пишет о нем воспоминания, читает их на соб-рании литераторов в Париже (конец сентяб-ря или 1 октября 1922 г.) – получает чрезвы-чайно любопытное письмо от литератора С. Познера от 2 октября:

«Многоуважаемая Зинаида Николаевна!

Мой внутренний голос (мой “даймон”) повели-тельно говорит мне, что я должен написать Вам по поводу двух мест в Вашем вчерашнем рассказе о Блоке, написать то, о чем вчера было не удобно поднимать разговор. Вы уже догадываетесь, как-кие два отрывка я имел в виду: Вы правы, – это те, где Вы передаете отзывы покойного Алексан-дра Александровича о евреях.

Меня внутренне передернуло, когда я услышал из Ваших уст слово “Все еврей-фармацевты, они портят русский язык” и затем реплики Блока М.Ф. Андреевой. В “хрустально-чистый” и “осен-не-прозрачный” рассказ Ваш ворвался раздражаю-щий, бьющий по нервам шум улицы, той низшего разбора “политики”, с которой Ваши воспомина-ния не имеют и не должны иметь ничего общего.

Зачем Вы это сделали? Чтобы полнее зарисо-вать духовный облик Блока? Но ведь эти обро-ненные им фразы отнюдь не характерны для не-го, для его духовного естества. Я знаю, увы, хоро-шо знаю, что была полоса в жизни Блока, когда он был настроен антисемитски. Но эти его на-строения несколько не вязались с основными ли-ниями его духа, были наносными и временными, что, надеюсь, Вы не станете оспаривать. Вспом-ните, что из всех иностранных поэтов он больше всего прилепился к Гейне, этому еврею *par excel-лense*. Вы знаете так же, как я, что он в личных отношениях, литературных встречах евреев не из-бегал, их не сторонился.

Вы мне вчера сказали (и правильно сказали): “Поэтом можешь ты не быть, Но гражданином быть обязан”. В воспоминаниях о Блоке Вы осо-бенно подчеркнули великое значение сознания от-ветственности в жизни человека и особенно – пи-сателя. Вот именно чувство гражданской ответст-венности должно побудить Вас зачеркнуть два от-рывка, о которых я Вам пишу, в Вашей рукописи. Если Вы их обнаружите, из них сделают орудие политической борьбы, ими воспользуются для призывов к пролитию человеческой крови. Желателен ли Вам такой практический вывод из Ваше-го очерка?

Простите, что пишу Вам, но долг заставляет меня сказать вышенаписанное.

С совершенным уважением
Преданный Вам
С. Познер»⁴⁸.

И З. Гиппиус снимает эти отрывки. Ее воспоминания о “лунном друге” остаются “хрустально-чистыми” и “осенне-прозрачными”. И кажется, что, не указывая цитаты, она повторяет слова Блока о ней самой из публикуемого нами письма 1911 г. – как о “носителнице холодного закатного (предвесеннего) неба и зеленоватого месяца на нем”: “И вот Блок сидит в моей комнате, по другую сторону камина, прямо против высоких окон. За окнами – они выходят на соборную площадь Спаса Преображения – стоит зеленый, стеклянный свет предвесенний, уже не меркнувшее небо”... (из ранней редакции воспоминаний “Мой лунный друг”)⁴⁹. И заканчиваются воспоминания тоже цитатой – финальной строфой стихотворения Блока, ей посвященного.

“...страданием великим и смертью он искупил не только всякую свою вольную и невольную вину, но, может быть, отчасти позор и грех России.

...И пусть над нашим смертным ложем
Возвьется с криком воронье...
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да внидут в царствие твое!”

Радость в том, что он сумел стать одним из этих достойных. И в том радость, что он навеки наш, что мы, сегодняшние, и Россия будущая, воскресшая, – можем неомраченно любить его, живо-го”⁵⁰.

*

- 1 *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч. / Под ред. Дж. Мальстада и Р. Хьюза. Т. 1: Стихотворения. Ardis, 1988. Т. 2: Статьи и рецензии 1905–1926. Ardis, 1990; *Мережковский Д.С.* Маленькая Тереза / Под ред. со вст. ст. и комм. Т. Пахмус. США, Нью-Йорк, “Эрмитаж”, 1984; *Мережковский Д.С., Гиппиус З.Н.* Данте. Борис Годунов. Киносценарии / Под ред. и со вст. ст. Т. Пахмус. New York: Gnosis Press, 1990; Письма З. Гиппиус А. Амфитеатрову. Публикация Ж. Шерона // Новый журнал. Нью-Йорк, 1922. Кн. 187. С. 297–307; *Касинец Э., Гласе А.* Коллекция Ярош // Там же. С. 365–371. Эти и некоторые другие публикации последних лет – в частности, М. Цветаевой, М. Волошина и т.д. – базируются на рукописях, хранящихся в архивах США.
- 2 М.Ю. Лермонтов: Исследования и материалы. Л., 1979.
- 3 Вот как оценивает знакомство Блока с Мережковским в 1902 г. и эволюцию их отношений В.Н. Орлов: “Сам Блок в Автобиографии знакомство с Мережковскими отнес к числу событий, повлиявших на него особенно сильно. Отношения между ними сложились, однако, крайне неровные – сближения перемежались резкими расхождениями, и так тянулось до октября 1917 года, когда все кончилось раз и навсегда. Чета Мережковских оказалась в стане заклятых

врагов пролетарской революции, и Зинаида Гиппиус преследовала автора “Двенадцати” с особенной последовательностью и особенным ожесточением”. (*Орлов Вл.* Здравствуйте, Александр Блок. Л., 1984. С. 377). Подчеркнутого самим Блоком важного значения Мережковских в его жизни в 1900-е годы отрицать было невозможно, как невозможно замалчивать страстного интереса к революционному движению Мережковского и Гиппиус. Но можно было назвать их «крикливыми “пророками революции”, закономерно оказавшимися в лагере ее заклятых врагов» (*Орлов Вл.* Пути и судьбы: Лит. очерки. Л., 1971. С. 621). В кн. *Л.П. Громова* “Блок, его предшественники и современники” (М.: Л., 1966) о значении Мережковских в жизни Блока говорится лишь применительно к 1902 г. и преимущественно в связи с влиянием на него идей Вл. Соловьева (С. 95). “Построения” Мережковского признаются антиисторическими (С. 99), общественный их аспект – “вариациями религиозно-схоластических догм Соловьева” (С. 97).

- 4 *Миц З.Г.* А. Блок в полемике с Мережковскими // Блоковский сборник. Тарту, 1980. Т. IV. С. 116–221.
- 5 Там же. С. 116, 117.
- 6 *Pachmuss Themira.* Intellect and Ideas in Action Selected correspond. of Zinaida Hippus. München, 1972.
- 7 *Миц З.Г.* Указ. соч. С. 117.
- 8 Там же.
- 9 Там же.
- 10 Там же. С. 186 и след.
- 11 Там же. С. 119.
- 12 *Гиппиус З.Н.* Критика любви // Мир искусства. 1901. № 1.
- 13 *Блок А.А.* Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 23. Далее страницы указаны в тексте (ЗК, 23).
- 14 *Блок А.А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960–1963. Т. VII. С. 21–38. Далее ссылки на это издание даются в тексте (том, страница).
- 15 *Гиппиус З.Н.* Среди мертвых // Северный вестник, 1897. Кн. 3. С. 43–63.
- 16 РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 2. Ед.хр. 26. Впервые письма Гиппиус Блоку опубликованы З.Г. Миц в указ. статье, по которой даем ссылки: С. 127.
- 17 См. там же. С. 123–133; *Блок А.А.* Собр. соч. Т. VIII. С. 29–45. (№ писем 15, 18, 20, 23, 25, 26).
- 18 *Миц З.Г.* Указ. соч. С. 133.
- 19 *Гиппиус З.Н.* Мой лунный друг: О Блоке // Воспоминания о серебряном веке. М., 1993. С. 142.
- 20 Имелись ли основания для ревности Л.Д. Менделеевой? И да, и нет. Среди стихотворений Блока 1902 г. немало посвященных Гиппиус и навеянных ее образом и ее поэзией (“Они живут под серой тучей”, “Ушел я в белую страну...”, “Мы проснулись в полном забвении...”, “Я надел разноцветные перья...”, “Песня Офелии”, “Мы – чернецы, бредущие во мгле...”, “Символ мой знаком отметить...” и др.).
- 21 *Миц З.Г.* Указ. соч. С. 220.
- 22 *Гиппиус З.Н.* Мой лунный друг. С. 156.
- 23 *Блок А.* Безвременье // Золотое Руно, 1906, № 11–12.
- 24 *Гиппиус З.Н.* Светлое озеро // Новый Путь, 1908, № 1–2; *Гиппиус З.Н.* Алый меч. Четвертая книга рассказов. 1906.
- 25 *Гиппиус З.Н.* Мой лунный друг. С. 152.
- 26 Там же. С. 152–153.
- 27 *Миц З.Г.* Указ. соч. С. 160–161.
- 28 *Мережковский Д.С.* Асфодели и ромашка // Мережковский Д.С. В тихом омуте. СПб., 1908. С. 98. Речь 1908, 23 марта.

- ²⁹ Блок А. Мережковский // Речь, 1909, 31 янв.
- ³⁰ Блок А. Ответ Мережковскому // Русский современник, 1924, № 3.
- ³¹ Мережковский Д.С. Балаган и трагедия // Русское слово, 1910, 14 сент.
- ³² Аполлон, 1910, № 8.
- ³³ Там же, № 9.
- ³⁴ Там же, № 11.
- ³⁵ Городецкий С.М. Страна реверансов и ее пурпурно-лиловый Бедекер // Против течения, 1910, 15 окт.
- ³⁶ Мережковский Д.С. Балаган и трагедия // Русское слово, 1910, № 211, 14 сент.
- ³⁷ Блок Ал. и Белый Ан. Переписка // Летописи Гос. лит. музея. Кн. VII. М., 1940. С. 237.
- ³⁸ Там же. С. 239–240.
- ³⁹ Минц З.Г. Указ. соч. С. 184–186.
- ⁴⁰ Там же. С. 187–188.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Гиппиус З.Н. Чертова кукла. Проза. Стихотворения. Статьи. М., 1991. С. 280.
- ⁴³ Отдел рукописей Центра русской культуры Эмхерст-колледжа. США. Публикуется с разрешения Центра русской культуры.
- ⁴⁴ Гиппиус З.Н. Мой лунный друг. С. 154.
- ⁴⁵ Гиппиус З.Н. Чертова кукла. СПб., 1911.
- ⁴⁶ Блок А. Ночные часы. М., 1911.
- ⁴⁷ Минц З.Г. Указ. соч. С. 196.
- ⁴⁸ Отдел рукописей Центра русской культуры Эмхерст-колледжа. США. Публикуется с разрешения Центра Русской культуры.
- ⁴⁹ Окно, 1923. Париж. Вып. 1.
- ⁵⁰ Гиппиус З.Н. Мой лунный друг. С. 170.